

The illustration depicts a gritty, noir-style scene. In the foreground, a man with a somber expression, wearing a brown leather jacket over a light blue shirt, looks down at his wrist. In the background, a vintage car is parked on a street lined with wooden buildings. Two other men are visible: one standing near the car and another leaning into the open rear door. The overall atmosphere is dark and suspenseful.

ВАЛЕРИЙ
ШАРАПОВ

**БАНДИТСКИЙ
БРУДЕРШАФТ**

Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив

Валерий Шарапов

Бандитский брудершафт

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шарапов В. Г.

Бандитский брудершафт / В. Г. Шарапов — «Эксмо»,
2020 — (Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив)

ISBN 978-5-04-115481-3

В Москве действует банда отпетых головорезов. Ограблен продовольственный склад, обчищен ювелирный магазин. Убиты сторожа, постовой милиционер, пострадали сотрудники угро. Население в испуге: война закончена, а обстановка – словно на фронте. Сыщикам МУРа Ивану Старцеву и Александру Василькову становится известно, что налетчики иногда собираются в одном из столичных ресторанов. Оперативники решают под видом официанта внедрить в ресторан своего человека. Дерзкий план кажется безупречным. Однако в последний момент бандиты, заподозрив неладное, устраивают новичку жестокую проверку...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-115481-3

© Шарапов В. Г., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Валерий Шарапов

Бандитский брудершафт

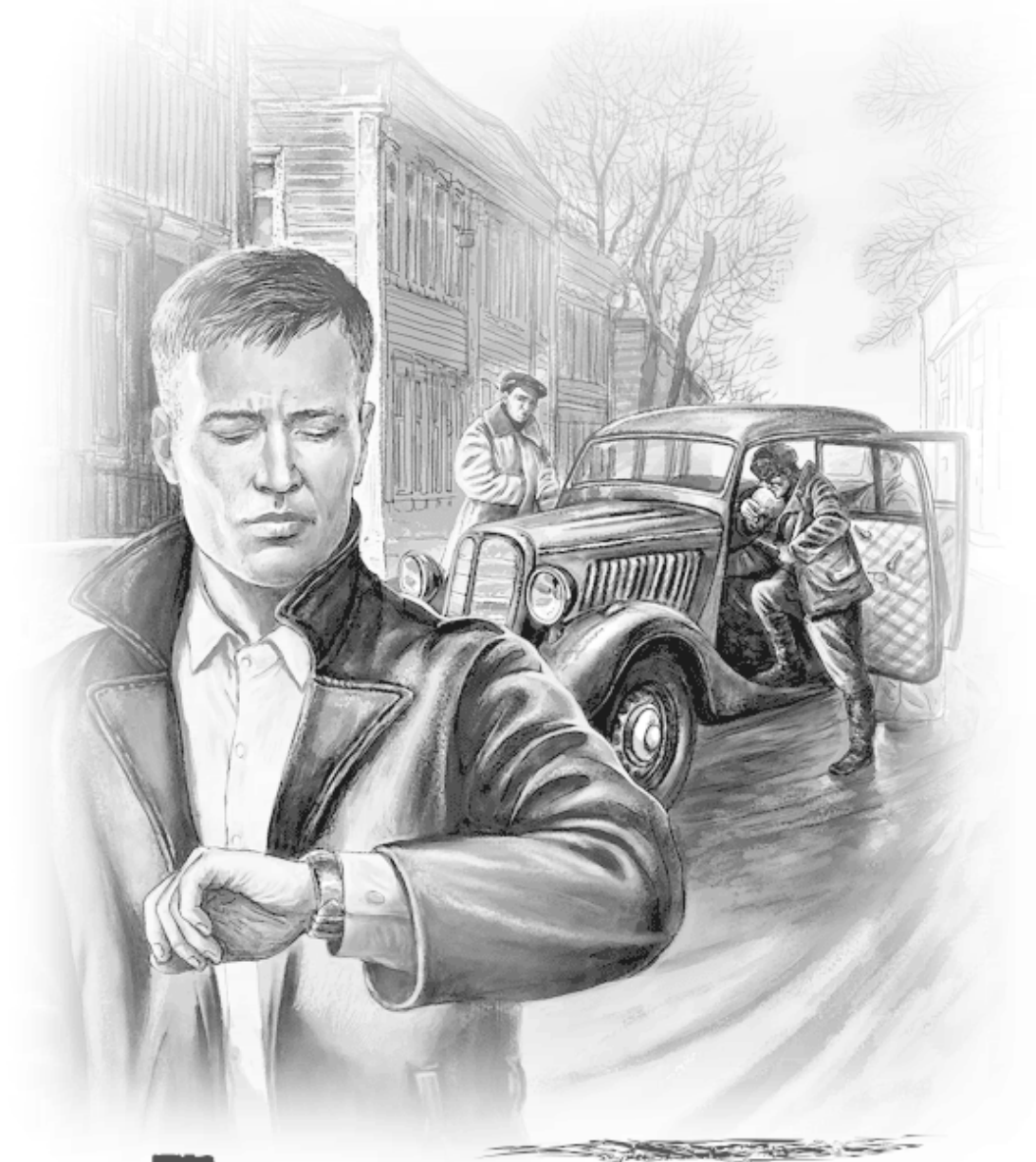
© Шарапов В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ТРЕВОЖНАЯ
ВЕСНА **45**^{-ГО}

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

БАНДИТСКИЙ БРУДЕРШАФТ

МОСКВА 2020

Глава 1

Александр Васильков обогнал миловидную девушку и случайно задел скрипичный футляр, мерно качавшийся в ее тонкой руке.

– Простите, – не глядя на эту особу, сказал молодой мужчина.

Девушка наморщила носик, хотела было возмутиться, да вдруг запнулась, заметила, какой красавчик невзначай пнул коленом ее ношу. Он был явно чем-то сильно озабочен, даже не притормозил, быстро протопал мимо. Глядя ему вслед, девушка мечтательно вздохнула, поудобнее перехватила ручку футляра и зашагала дальше.

Минуту назад Васильков свернул с Крестовского переулка на Первую Мещанскую улицу и оказался в плотном потоке пешеходов. Здесь следить за троицей молодых подпитых парней стало труднее. Васильков вскочил на каменное крыльцо аптеки, остановился и оглядел поток сверху.

– Ага, вижу, – прошептал он.

Троица по-прежнему двигалась в сторону Ржевского вокзала. Кепка длинного верзилы кивала в такт его шагам. Второй, самый нетрезвый, то и дело прикладывался к бутылке портвейна. Третий сгорбился, тягал из кармана семечки и смачно, с наглым вызовом плевал на асфальт шелуху.

Двигались за троицей и коллеги Василькова: Иван Старцев постукивал тростью по тротуару противоположной стороны улицы. Вася Егоров опережал Ивана на полсотни метров.

Перед тем как спрыгнуть со ступенек и направиться дальше, Александр бросил короткий взгляд назад. Старенькая «эмка» с белыми шашечками на боках нехотя вырулила с Крестовского, повернула на Мещанскую и сразу же прижалась к тротуару. Водитель не торопился, ожидал условного сигнала.

«Молодец, парень. Справляется», – отметил про себя Васильков, зацепился взглядом за кепку самого рослого из бандитов и пошел следом.

Муровцы вели клиентов от ресторана «Гранд». Там эти субъекты изволили отмечать некое событие, то ли чьи-то именины, то ли удачный грабеж.

Несколько дней назад в банкетном зале этого ресторана отмечал юбилей один уважаемый человек из Наркомата продовольствия СССР. В числе приглашенных был работник Московского уголовного розыска. Он-то, выходя в туалетную комнату, и приметил мужчин, как две капли воды похожих на уголовников из банды, недавно появившейся в Москве. Они расслаблялись в соседнем небольшом кабинете. Один – угрюмый с колючим взглядом, лет сорока пяти. Второй – его ровесник, похожий на татарина или башкира. Третий чуть помоложе, с умным живым взглядом.

Профессионал сразу смекнул, что шум поднимать бесполезно, только спугнешь и никого не поймашь. Он немедленно сообщил о подозрительных типах в управление. С того дня за рестораном велось осторожное наблюдение, и вот сегодня подфартило. В том же кабинете загуляли три блатных паренька, вероятно, из той же банды.

Сначала сыщики решили закинуть удочку прямо там, на Крестовском, покуда полупьяные блатные топтались на тротуаре и смолили папироски. Черная «эмка» с белыми шашечками медленно проплыла рядом. Водитель надеялся, что кто-то из этих молодцов взмахнет рукой. Но нет, ничего подобного не произошло. Вместо этого уголовники побросали на тротуар окурки и двинулись в сторону Мещанской. Операм пришлось садиться им на хвост и на ходу менять план операции.

Башенки вытянутого строения постепенно приближались. Сегодня этот красивый вокзал назывался Ржевским, прежде он был Виндавским и Балтийским. По мере приближения к нему народу становилось все больше и больше. Навстречу сыщикам то и дело попадались

люди с баулами, чемоданами, сумками. Война закончилась полтора месяца назад, многие из тех, кто был отправлен в эвакуацию, возвращались в родную Москву. Другие задерживались в ней на день-два и ехали дальше.

На площади, вытянувшейся вдоль здания вокзала, высматривать трех молодцов стало и вовсе сложно. Оперов спасало то обстоятельство, что их подопечные шли медленно и неверными шагами. У остановки общественного транспорта бандиты встали, вновь потянули из пачек папиросы.

Васильков подошел к тумбе, обклеенной афишами и плакатами, пробежал взглядом по объявлениям и начал искать коллег. Егорова он нашел быстро. Тот взбежал по ступенькам центрального входа и задержался у его левой арки, делая вид, будто ищет что-то в карманах пиджака. Старцев доковылял с тросточкой до начала площади и остановился у края тротуара, чтоб держать в поле зрения черный автомобиль с шашечками на борту. Он встретился взглядом с Васильковым и неприметно кивнул.

«Сейчас, – понял Александр. – Будем пробовать здесь».

Площадь бурлила. Мимо красивого фасада Ржевского вокзала с тремя аккуратными башенками то и дело проезжали автобусы и легковушки. Раздавались паровозные гудки, автомобильные сигналы, цокот копыт и окрики кучеров. У дверей подъездов царил сутолока. Тут хватало и пассажиров, и встречающих.

Александр выбрал спокойное местечко у тумбы и начал изучать красочный плакат. Картинка была сочной и довольно привлекательной. На фоне темно-синего вечернего неба, раскрашенного салютом и перечеркнутого лучами прожекторов, блестела медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Ниже фраза о решающей роли советского народа в разгроме фашизма.

Однако плакат Василькова в данную минуту не занимал. Каждые две-три секунды его взгляд устремлялся на Егорова, наблюдавшего с крыльца за троицей. На том лежала самая ответственная задача: определить момент, когда бандитам надоест слоняться у вокзала.

И вот этот миг наступил. Егоров неспешно достал из кармана портсигар, откинул крышку, выудил из-под резинки папиросу, задумался, разминая табак и сминая ровную бумажную гильзу.

Старцев заметил сигнал и тотчас махнул таксисту. «Эмка» рванула с места. Водитель нацелился на компанию, стоявшую у края тротуара. Автомобилей с шашечками на привокзальной площади сновало множество. Молодому пареньку, сидевшему за рулем, сперва следовало расторопно втиснуться в поток, а потом с той же прытью вынырнуть из него и услужливо тормознуть перед клиентами.

Он сумел это сделать. И бандиты клюнули.

Длинный тип вальяжно подошел к авто, снял кепку, просунул голову в окошко правой дверцы и о чем-то спросил водителя. Затем он обернулся к друзьям и кивком пригласил их занимать места. Вскоре машина отъехала от тротуара, плавно повернула с Мещанской на Трифоновскую и исчезла из виду.

Васильков перебежал проезжую часть и оказался возле Старцева.

Тот вытер платком вспотевший лоб, довольно улыбнулся и негромко сказал:

– Кажется, получилось!

– Да, получилось, – сказал Александр. – Но ведь это только полдела.

– Верно. Нужно, чтоб у бандитов развязался язык и чтоб Аркадий невинным вернулся. Из толпы вынырнул Егоров.

– Ну что, граждане? Сработало? Видали, какие они пьяные были? Должны расколоться!

– Должны, Вася. Поехали в управление.

Муровцы дождались автобуса, кое-как втиснулись в его нутро и покатили в сторону Петровки.

Верзила вел себя по-хозяйски, нахально, хамовато, заглянул в открытое окошко, поинтересовался, свободна ли машина. Получив от таксиста утвердительный ответ, он позвал дружков и уселся на правое переднее место. Второй пассажир был прилично пьян и в основном молчал, продолжал хлебать портвейн из горлышка бутылки, прихваченной в ресторане. Третий, коренастый парень с неприятным запахом изо рта, лузгал семечки и выдавал отрывистые фразы.

– Надоело в хате чалиться, последняя четвертная бумажка на кармане осталась, – проговорил он, непонятно к кому обращаясь. – И к скупщику бежать не с чем. Все, что у меня было, я ему уже снес.

Ехать водителю было велено до Софийского проезда.

«Черт побери, это рядом совсем, – с сожалением заключил Аркадий, включая первую скорость. – Надобно не торопиться, чтоб они расслабились и успели развязать языки. – Водитель не спешил и мысленно выстраивал маршрут движения до адреса, названного верзилой: – Поначалу прямо по Трифоновской, покуда не упрусь в Бахметьевский автобусный парк. Далее направо до Сущевского Вала. По нему квартала три-четыре до Миусского кладбища. Проехав его до конца, придется крутить вправо. Там и будет Софийский проезд».

По Трифоновской они проехали в тишине. Пьяненький уркаган продолжал лакать из своей бутылки.

Когда такси поравнялось с автобусным парком, коренастый тип опять затянул недовольным и довольно противным голосом:

– Надоело все. Вечером пойду, замок поддену на какой-нибудь бакалейной лавке.

– Нам велено сидеть тихо, – заявил длинный фрукт с переднего сиденья.

– Почему это?!

– Сыч Северный бан понюхать намерен.

– Я туда не нанимался!

– Тихо ты! Там дело верное выгорает.

– А чего на Северном? – встрял в разговор нетрезвый браток.

– Вроде как большие склады со жрачкой. Больше Сыч ничего не сказывал.

– Жрачка – это дело, – промямлил поддатый уголовник, допил свой портвейн и швырнул пустую бутылку в открытое окно.

Аркадий крутил баранку, оглядывался по сторонам, сигналил – в общем, старательно делал вид, будто всецело занят дорогой и в пассажирский разговор не вникает. Движение на Сущевском Валу и впрямь было непростым. В обе стороны, обгоняя медленные подводы, сновали грузовики, автобусы, легковушки. Да еще вездесущие пешеходы, норовящие проскочить меж гудящих автомобилей.

Однако каждое слово, вылетевшее из уст бандитов, Аркадий тщательно фиксировал в памяти, чтобы через несколько минут домчаться до управления и пересказать все товарищам, пославшим его на это задание. До Софийского проезда оставалось всего ничего. Вот справа уже потянулись заросли лещины Миусского кладбища. Еще метров двести – и покажется нужный поворот. Отсюда до управления рукой подать. Пятнадцать минут – и на месте.

– Вам у какого дома? – поинтересовался Аркадий, завернув в проезд.

Верзила лениво махнул рукой и пробурчал:

– Прямо.

«Эмка» прокатила по Софийскому почти до конца кладбища.

– Здесь, – длинный уголовник указал на тенистый участок меж невысоких домов.

Автомобиль сбавил скорость, принял вправо, остановился.

Таксист поглядел на счетчик и вдруг захрипел. Коренастый тип, сидящий сзади, обхватил левой рукой его шею и с невероятной силой потянул на себя.

– Зря ты, мусор, думал, что никто тебя не раскусит. Мы тебя, паскуду, еще у «Гранда» просекли, – прошипел верзила и почти без замаха ударил Аркадия в грудь заточкой.

Все сотрудники оперативно-розыскной группы майора Ивана Старцева находились в общем рабочем кабинете. В маленьком закутке со старым деревянным столом, именуемом столовкой, их давно ждал обед: нарезанный ржаной хлеб, пара луковиц, открытая банка с килькой. Да еще корейская экзотика, принесенная из дома Костей Кимом: рыба в маринаде, капуста и горстка макарон. Однако аппетита ни у кого не было, а острота корейских блюд оказалась угрожающей.

Народ испил крепкого чаю, сгрудился у открытого окна, смолил папироски и взволнованно ждал появления Аркадия. В томлении и тревоге прошло пятьдесят минут.

– Что же это такое, а? – Старцев нервно поглядел на часы. – Мы тут, в управлении, уже давным-давно находимся! Аркадий увез бандитов с вокзала больше часа назад!

Егоров поскреб затылок и заявил:

– Да, до сих пор ни слуху ни духу.

– От Ржевского до управления – пятнадцать минут езды. – Васильков развел руками и предположил: – Должно быть, он повез этих гадов куда-то на окраину, в Конюшки, например, или Коломенское.

– Или вовсе в пригород, – поддержал его капитан Бойко.

Так или иначе, но сыщикам ничего не оставалось, кроме как набраться терпения и ждать. Они затушили окурки, обступили столик в столовке, разобрали ломти хлеба, кольца лука, вооружились алюминиевыми ложками и принялись обедать.

Оперативно-розыскная группа майора Старцева считалась в МУРе одной из лучших. Костяк этого подразделения сложился в начале войны, когда им руководил ветеран уголовного розыска майор Прохоров. Иван Старцев влился в него осенью сорок третьего, излечившись после тяжелого ранения, полученного под Рыльском. Всего через год он возглавил коллектив, занял место Прохорова, ушедшего на повышение.

Иван был таким крепышом, хоть и небольшого роста. Хваткий, сообразительный, практичный.

«Крестьянин с широкой костью», – так охарактеризовал его Сашка Васильков, впервые увидев на фронте.

Однако родился и вырос этот крестьянин на юго-западе Москвы, в небольшом рабочем поселке. Позже семья переехала ближе к центру. Там Иван окончил среднюю школу с очень неплохим набором оценок и без проблем поступил в Подольское военное артиллерийское училище.

Заместителем Ивана Старцева значился капитан Василий Егоров, опытный сыщик, начавший службу с участкового инспектора. Спокойный и уверенный в себе здоровяк с огромными кулаками и лицом актера-красавца из «Мосфильма». Егоров родился в пятнадцатом году в большой крестьянской семье, проживавшей в бедном селе, расположенном в Ленинградской области. Василий изо всех сил старался выбраться из нищеты и получить хорошую профессию. Он с отличием окончил восьмилетку в Колпино, а потом по ходатайству комсомольской организации был направлен в Ленинградскую школу среднего начальствующего состава рабоче-крестьянской милиции. Учеба и будущая работа пришлись ему по нраву. После выпускных экзаменов он получил погоны младшего лейтенанта и направление на работу в один из районов Ленинградской области. Уже через год его как лучшего участкового инспектора перевели в Ленинградский уголовный розыск, а перед войной в составе группы офицеров перебросили в столицу для усиления знаменитого МУРа.

Далее по выслуге лет и опыту шел старший оперуполномоченный капитан Олесь Бойко, начинавший службу в войсках НКВД. Этот молодец вообще походил на русского богатыря из

народной сказки: высокий, белокожий, с рыжеватыми выющимися волосами. «Кровь с молоком», – говорят про таких людей. Он не был таким мускулистым и жилистым, как Старцев или Егоров, но силушкой тоже обладал немалой. На левой руке Олесь не было среднего и указательного пальцев, а ладонь с запястьем пестрели мелкими шрамами. Судьба Олесь была похожа на нелегкий путь Ивана Старцева: училище, фронт, ранение, лечение в госпитале, назначение в тыл. Отличие состояло лишь в том, что Иван начинал службу в артиллерии, затем попал в пехоту. За отвагу и смекалку он был переведен в разведку, где дорос до капитана. Олесь же начал службу в тридцать седьмом году в отдельном стрелковом батальоне войск НКВД, занимавшемся охраной особо важных промышленных предприятий. Воевал с первого дня, командовал взводом, ротой. Возможно, потянул бы и батальон, но в конце сорок второго получил ранение. После излечения он был направлен в Московский уголовный розыск.

Рядовыми оперативниками в группе не так давно работали старшие лейтенанты Ефим Баранец и Игнат Горшеня, а также лейтенант Константин Ким. Уже после окончания войны, в начале лета 1945 года, в группу был зачислен майор Александр Васильков.

Начальство в лице комиссара Урусова поручало слаженному коллективу сыщиков расследование самых сложных и безнадежных на первый взгляд преступлений. Старцев и его товарищи с поставленными задачами справлялись.

В разгар обеденной трапезы в кабинет заглянул оперативник из дежурной группы.

– Товарищи, у меня для вас плохая новость, но другой на сегодня нет, – сказал он, потупив взор. – Паренька вашего только что обнаружили. Мертвый сидит в машине.

Оперативники Старцева разом перестали жевать.

– Где? – глухо спросил Иван.

– В Софийском проезде, возле Миусского кладбища. Если хотите съездить и осмотреть, то наша дежурная машина стоит у подъезда.

Вернувшись через час в управление, Старцев не стал заходить в кабинет. Опираясь на трость, он тяжело поднялся по центральной лестнице до второго этажа и кивнул товарищам. Те поняли его и остались на площадке, сам же Иван отправился дальше.

Очереди в приемной комиссара Урусова не было.

Старцев постучал, распахнул дверь.

– Разрешите?

– Прошу, Иван Харитонович.

Урусов сидел за рабочим столом и изучал какое-то дело.

Он отодвинул его в сторону, снял очки, откинулся на спинку стула и заявил:

– Докладывай, как твои дела.

– Плохо, Александр Михайлович, – проговорил Старцев, присаживаясь напротив.

– Что так?

– Только что убит наш молодой сотрудник Аркадий Кондратьев.

Комиссар изменился в лице.

– Как? При каких обстоятельствах?

– Операция, которую я на днях согласовал с вами, шла по плану. Мы с раннего утра торчали у «Гранда», зафиксировали, как около полудня три бандита зашли внутрь, дожидались, пока они там пили, закусывали...

– Ну-ну? – поторопил его Урусов. – Дальше-то что?

– Вышли они, значит, около пяти вечера, встали на Крестовском покурить. Аркадий на такси мимо разок проехал, уголовники не отреагировали, пошли к Ржевскому вокзалу. Мы за ними. Выбрали подходящий момент, просигналили Аркадию. Он опять к ним. Ключнули... – Иван, до предела расстроенный, рассказал комиссару все так, как оно и было, поминутно, до последней детали.

– Заточкой, говоришь? – играя желваками, переспросил Урусов.

– Так точно. В самое сердце.

– И ничего не тронули?

– Даже бумажник на месте, в заднем кармане брюк. Просто убили, да и все, будто послание для нас оформили. Дескать, получите и запомните. Так будет со всяким, кто осмелится к нам сунуться без спросу.

– Сволочи, – прошептал комиссар. – Мальчишке двадцать два всего было. – Он поднялся, заложил руки за спину, прошелся по ковровой дорожке, остановился посреди кабинета и спросил: – Как же они поняли, что Аркадий из угрозыска?

– Не знаю, Александр Михайлович, – ответил Старцев и покачал головой.

– Следили аккуратно?

– Да, шли порознь и на приличной дистанции. А на Мещанской и подле вокзала было столько народу, что определить слежку невыносимо.

Комиссар вновь занял место за рабочим столом, побарабанил пальцами по картонной папке уголовного дела и спросил:

– Ну и что ты намерен делать? Мысли есть? Задачу по ликвидации этой банды с нас никто не снимал.

– Есть одна идейка, – покусывая губы, произнес Старцев. – Разрешите поработать с ней до утра?

– А чего так? Сыроватая?

– Сомневаюсь в некоторых моментах. Уж больно она рискованная.

– Мозгуй. Сомнений быть не должно, – сказал Урусов. – Завтра в восемь я жду тебя с подробным докладом.

– Наши повара используют огромное количество жгучих специй. Они-то и делают корейские блюда острыми и оригинальными.

– Ого! – схватившись за горло, прошептал Васильков. – Это же фугасная бомба!

– Есть такое дело! – с усмешкой проговорил Ким.

– А здесь какой маринад?

– Сейчас расскажу.

Сегодня утром, пока Старцев, Егоров и Васильков следили за тремя бандитами, молодежь занималась своими делами. Штатный фотограф Ефим Горшеня ремонтировал затворный механизм фотоаппарата и чистил магниевую вспышку. Баранец заполнял протоколы.

Костя Ким отпрашивался на три часа, чтобы помочь маме. Завтра у нее был юбилей, и она занималась готовкой. Вот он и бегал по магазинам, исполнял ее поручения.

Ближе к обеду парень вернулся в управление с небольшим свертком.

– Угощайтесь, – предложил он товарищам.

Те попробовали странные кусочки рыбы, крупно нарезанную капусту, макароны и деликатно отказались. Слишком уж все было острым.

Костя не в первый раз угощал коллег корейскими гостинцами маминого приготовления. Вот и сегодня, когда они обедали в столовке всей группой, бывалые оперативники пробовали рыбу с капустой, но восторга относительно дальневосточных кулинарных изысков не выказывали.

Традиционно интересовался корейской кухней разве что Васильков. Он дольше других жевал рыбу, пробовал овощи и пытался разгадать состав хитрого маринада. Ближе к вечеру, в ожидании возвращения Ивана Харитоновича, Александр решил еще разок продегустировать гостинцы от мамы Константина.

– А почему у всех корейских блюд разный цвет? – поинтересовался он, закинув в рот макаронину.

– Большинство наших продуктов при готовке окрашиваются в пять цветов, – со знанием дела ответил молодой человек. – Красные хорошо влияют на сердце и сосуды. Желтые – на кожу. Белые – на работу желудка и кишечника. Зеленые улучшают кровообращение, а темные выводят из организма вредные вещества.

Придя в себя от очередной дегустации, Васильков подивился:

– Откуда все это знаешь? Ты же москвич в четвертом поколении!

– Маму научила готовить бабушка, а ту – ее мама. Но дома на нашем столе корейские блюда – редкость. Только по праздникам. Для их приготовления нужны особые специи, рис, морепродукты и различные овощи. А сейчас все это почти не достать.

– Понимаю. Научишь меня приготовлению такой рыбы?

– Неужели понравилась? – Костя не поверил своим ушам.

Майор уверенно кивнул и сказал:

– В прошлый раз был чудесный картофельный салат. А сегодня очень вкусная рыба.

– Конечно, с удовольствием! Уточню кое-что у мамы и научу!

Глава 2

– Все должно быть достоверно и максимально похоже на правду, – сказал Старцев и приказал подчиненным собираться.

Темной безлунной ночью он и Егоров привезли Василькова на служебном автомобиле в Смоленск и остановились в тихом переулке близ привокзальной площади. За четверть часа до прибытия проходящего поезда сотрудники МУРа покинули автомобиль и отправились на перрон, к которому были поданы три пассажирских вагона. Васильков был одет в полевую офицерскую форму, два его спутника – в штатские темные костюмы.

На перроне в основном толпились военные. Именно ради них к поезду, идущему на Москву, железнодорожники цепляли дополнительные вагоны. Попадались в толпе и гражданские: старик с баулом и корзинкой, молодая женщина с двумя детьми, три бабушки из монастыря, цыганская семья, два мальчишки под надзором сотрудника милиции.

Перед лесенкой перрона Васильков простился с коллегами, провожавшими его, подхватил потертый фибровый чемодан, легко взбежал по ступенькам. Ведь теперь, по легенде, ему было всего двадцать пять.

Он незаметно подошел к толпе, окликнул крайнего солдатика, улыбнулся, попросил прикурить, заодно спросил про поезд. Вскоре Васильков швырнул выкуренную папироску на темные шпалы и под долгий гудок надвигавшегося состава смешался с заволновавшимися людьми.

Утром следующего дня он стоял в тамбуре пассажирского вагона, докуривал натошак «беломорину», глядел на бескрайние поля Подмоскovie, проплывавшие за окном, и в который раз повторял легенду, заученную накануне:

«Аверьянов Александр Афанасьевич. Двадцатого года рождения. Младший лейтенант. Командир взвода 787-го стрелкового полка 222-й стрелковой дивизии из состава 33-й армии Второго Белорусского фронта. За годы войны получил два ранения и контузию. Беспартийный. Холост, детей нет. До войны, на исходе 1939 года, был поражен в правах и осужден на полтора года за драку.

Отец – Аверьянов Афанасий Григорьевич, скончался от тифа в марте 1920 года. Мать – Аверьянова Алевтина Васильевна, погибла во время бомбардировки в Москве в феврале 1942 года. Сестер, братьев и прочих близких родственников не имею».

Одет Васильков был в полевую офицерскую форму: хлопчатобумажное галифе и такую же выцветшую гимнастерку с парочкой орденов и нашивками за ранения. От солдат, возвращавшихся домой, его отличали хромовые сапоги, кожаный ремень, фуражка да фибровый чемодан с блестящими металлическими углами.

– Готовимся, граждане пассажиры. Через четверть часа прибываем на Белорусский вокзал, – проходя через тамбур, объявил пожилой проводник.

Васильков усмехнулся и в который раз подивился совпадению. Не прошло и двух месяцев, как по этой железнодорожной ветке он подъезжал с однополчанами к Белорусскому вокзалу. И вот пожалуйста – теперь ему второй раз приходится возвращаться с фронта.

Впрочем, некоторые отличия от первого возвращения все-таки имелись. Тогда на Александре был чистенький парадный мундир с майорскими погонами, двумя рядами орденов и медалей, да и вещей при нем имелось поболее. К тому же прямо с вокзала Васильков направился в дом, знакомый с детства, где его дожидалась пожилая мамаша. У лейтенанта Аверьянова из родственников в живых остался лишь сильно пьющий дядька Тимофей Григорьевич.

Главным же отличием являлось то, что майор Васильков успел восстановиться после ранений и вернулся домой вполне здоровым, а его тезка Аверьянов заполучил серьезные последствия. Его левая рука теперь висела на подвязке.

За окном тамбурной двери потянулся восточный пригород Москвы: промышленная зона, бараки, одноэтажный частный сектор. Вагон покачивало, состав то и дело проезжал стрелки, постоянно менял многочисленные железнодорожные пути.

Впереди показалось здание вокзала.

«Все, с этого часа я окончательно перевоплощаюсь в Аверьянова, – подумал Александр и подхватил свою поклажу. – Надо бы повторить данные по моему дорогому дядьке».

Настоящий Аверьянов после окончания войны и расформирования 787-го полка убыл долечиваться в военный госпиталь, расположенный в местечке Легионово, к северу от Варшавы. Рука после ранения под Данцигом работала плохо, часто беспокоила его. Незадолго до победы на ране и вовсе разошелся один из швов. Александр обратился в медсанбат.

Военврач осмотрел руку, обработал ее и был категоричен:

– Срочно в ближайший госпиталь!

В большом советском госпитале под Варшавой царил неразбериха. Одни специалисты уезжали, на смену им присылали других. Раненых и медицинское оборудование то готовили к вывозу в Советский Союз, то оставляли в Польше. Происходила чехарда и с продовольственным снабжением.

Аверьянову до чертиков надоело валяться в палате и лицезреть этот бардак. Двадцатого мая он воспользовался отсутствием дежурного персонала, выкрал из кабинета начальника отделения свои документы, забрал одежду и был таков. План побега созрел у него в голове всю последнюю неделю. Именно в это время лейтенант почувствовал себя лучше и был уверен в том, что зря теряет время на больничной койке.

Через Легионово в сторону Советского Союза ежечасно проходили различные поезда. В основном шли товарные, загруженные трофейной техникой, заводским оборудованием, топливом, углем, лесом и еще бог знает чем. Иногда останавливались и пассажирские. Аверьянов договорился с военным комендантом и через несколько часов ожидания загрузился в переполненный общий вагон.

Поначалу поезд бежал на восток довольно резво, однако в Белостоке неожиданно застрял. Аверьянов вновь почувствовал себя плохо. Невыносимая боль в руке отдавала в плечо и шею, тело ломило и лихорадило, подскочила температура. У него не было с собой перевязочного материала и медикаментов, но он решил проявить характер, ехать дальше.

Двадцать второго мая ему стало совсем худо. В Барановичах его сняли с поезда, отвезли в ближайшую больницу, где врачи констатировали прогрессирующую гангрену.

Экстренная ампутация руки Аверьянова не спасла. Причина довольно быстрой смерти объяснялась просто. Его организм не успел изолировать развивавшуюся гангрену, заражение стало системным и поразило внутренние органы.

В этот же день Александра Аверьянова похоронили на городском кладбище Барановичей. Его документы и награды специальной почтой отправили в военный комиссариат города Москвы.

Васильков спрыгнул с тамбурной лестницы на перрон Белорусского вокзала, втянул носом воздух, поглядел в чистое небо и зашагал к выходу в город. Как и предполагалось, его никто не встречал. Кто мог знать о возвращении фронтовика? Единственный оставшийся в живых родственник лейтенанта Аверьянова, дядька Тимофей Григорьевич, беспробудно пил и не интересовался судьбой племянника. Возможно, за годы войны он вообще о нем позабыл.

Оказавшись на привокзальной площади, Васильков невольно припомнил яркие ощущения, охватившие его, когда он впервые оказался в Москве после победы. Душу офицера в те минуты переполняло самое настоящее счастье. Война закончилась, в воздухе не ощущалось

примесей сгоревшего пороха, в небе не гудели военные самолеты, а горожане спешили не в бомбоубежища, а по своим собственным, сугубо мирным делам.

Возле остановки общественного транспорта бурлила толпа народа, желающего воспользоваться автобусами. Васильков прошел мимо, перебежал площадь и нырнул в тенистое пространство Лесной улицы.

Пешее путешествие тоже отличалось от того, что происходило двумя месяцами ранее. Тогда Александр все-таки втиснулся в старенький «ЗИС-16» и долго трясся по неровным дорогам, пока не прибыл в Сокольники. Теперь же ему предстояло протопать по Лесной до Новослободской, потом по Тихвинской до Сушевки и в конце марш-броска повернуть на Ямскую. Дядька погибшего лейтенанта проживал в Межевом проезде Марьиной Рощи.

На весь путь у Александра ушло минут сорок. Все это время он не спеша шел к цели, всячески стараясь вжиться в роль. Фронтовик улыбался встречным молодым девицам, наслаждался теплым солнечным деньком и разок даже присел на лавочку для спокойного перекура.

Наконец-то Ямская уткнулась в крохотную площадь, от которой начинался Межевой проезд. Местность вокруг выглядела неприветливо. Если шляться тут пешком и без дела, то определенно наживешь неприятности. Однако Василькова это не волновало. Ступая по пыльной мостовой начищенными сапогами, он дошел до адреса, интересующего его, и остановился.

Перед ним предстал старый купеческий дом из красного кирпича с козырьком над входной дверью и подслеповатыми окнами полуподвального этажа.

«Кажется, здесь, – подумал Александр и внимательно осмотрел дверь. – Интересно, как часто сюда заходил до войны мой тезка?»

Таких данных у тех людей, которые готовили операцию по внедрению Василькова в банду, не было. Откуда про это могли знать Старцев с Урусовым? Приходилось рисковать и надеяться на алкогольный стаж достопочтенного Тимофея Григорьевича.

Массивная дверь с потрескавшейся и облупившейся краской была девственно чиста. Ни кнопки звонка, ни надписей. Отсутствовала даже щель почтового ящика.

«Хорошо, что хотя бы ручка имеется», – подумал Васильков, взялся за нее и осторожно потянул на себя.

Темное нутро строения обдало его резким кисловатым запахом грязи и плесени. Он протиснулся в узкую прихожую и осмотрелся.

Слева располагалась одна дверь, чуть дальше – вторая. Справа вниз вела деревянная лестница с обломанной первой ступенькой.

«Похоже, мне сюда», – решил Александр и, скользя чемоданом по стене, приступил к спуску.

Эта идея принадлежала Ивану Старцеву. Вернувшись 15 июня от комиссара Урусова, он собрал вокруг себя сотрудников группы и рассказал им, как в сорок четвертом году, когда размах бандитизма в столице достиг угрожающих масштабов, ему пришла в голову мысль осторожно внедрить в преступную среду своего человека. Опытного, находчивого, но вместе с тем нового, не знакомого в лицо криминальным элементам.

На тот момент такого человека в Московском уголовном розыске не нашлось. Да, по сути дела, его и не искали, потому как Старцев и сам работал в МУРе без году неделя, поэтому к его идеям никто особо не прислушивался.

В январе 1944-го из Свердловска в Москву был переведен Александр Михайлович Урусов. При нем начали внедряться новаторские методы оперативно-розыскной деятельности, и МУР заработал намного более эффективно. Набирался опыта и Старцев. Он отложил в долгий ящик свою идею с внедрением.

После окончания войны блатные сообщества не спешили сдавать позиции. Криминальная обстановка осложнялась тем, что на руках у населения находилось огромное количество

неучтенных стволов, а Москва, самый большой и богатый город страны, привлекала преступников-гастролеров из других регионов. Свою негативную лепту внесли и массовые послевоенные амнистии уголовников, и детская беспризорность.

В конце мая – начале июня 1945 года в Москве участились случаи вооруженных налетов на сберкассы, ювелирные магазины, ломбарды. Скорее всего, орудовала какая-то банда, сколоченная совсем недавно, уже после войны.

На одном из закрытых совещаний, посвященных ее очередному налету, комиссар Урусов проронил:

– Неплохо было бы занять надежного человека, контактирующего с криминалом. Благодаря такому агенту мы получали бы информацию о готовящихся преступлениях и, возможно, успевали бы предпринимать упреждающие меры.

О полноценном внедрении в криминальную сферу сотрудника угрозыска Старцев на том совещании промолчал. Позже вместе с Урусовым они разработали операцию с участием таксиста Аркадия. Увы, она провалилась, парень погиб. И вот теперь Иван Харитонович посчитал необходимым поделиться с подчиненными своей старой задумкой.

Подчиненные выслушали начальство, но восторгаться его соображениями не спешили. Опытные Василий Егоров и Олесь Бойко осторожно высказались о серьезном риске дерзкой идеи.

– Да, риск определенно есть, – с жаром проговорил Иван. – Ну так мы для того и поставлены на свои должности, чтобы, себя не жалея, оберегать спокойную жизнь советских граждан. Разве не так?

– Хорошо, а кого ж ты предлагаешь отправить в бандитское логово? – задался справедливым вопросом Василий. – Наши рожи – твоя, моя и Олеся – им давно примелькались. Как ни гримируй, раскусят в два счета. Баранец с Горшеней тоже не первый день в МУРе. Посылать их туда – все равно что смертный приговор подписать.

– Согласен, мы для этой затеи не подходим, – Иван несколько сбавил напор.

– А кого же тогда? Не Костю же.

Все взоры устремились на юного Кима.

Тот подбоченился, поднялся со стула, огладил полы пиджачка и героически произнес:

– А что? Я готов.

– Сядь, – заявил Старцев и поморщился. – Аркадий тоже хорохорился, да вон как оно вышло.

Кандидатуру Константина на ответственную роль он не рассматривал вообще.

– Ну, Иван Харитонович, – затянул было тот.

– Сядь, я сказал!

Ким плюхнулся на стул, но обидеться не успел, потому что вниманием сыщиков завладел Васильков.

– А почему бы мне не попробовать? – спокойно и как-то буднично поинтересовался он, словно речь шла о походе в ближайший коммерческий магазин за консервами и хлебом. – Я в угрозыске всего третью неделю. Меня в этой ипостаси не знает ни одна московская собака.

– Тебе? – удивленно переспросил Иван. – Извини, Саня, но ты с блатными пока на «вы». Ты же ничего про них не знаешь.

– Так я и не претендую на роль матерого уркагана. Представь такую картину. Я прошел войну, демобилизовался, вернулся в Москву, одинок. Вся родня погибла.

С фантазией у Василькова всегда был полный порядок. За пару минут он нарисовал вполне правдоподобную картину того, как молодой и полный сил мужчина не знает, чем заняться на гражданке, куда приложить свои боевые навыки, умения. Его фронтовые накопления испаряются, он мечется в поисках работы, начинает прикладываться к стакану и вот-вот полетит под откос. Чем не кандидат в криминальное сообщество?

– Так-так, неплохо, – проговорил Старцев. – Ну а дальше, Саня? Как этот персонаж выходит на блатных?

– Надо подумать, – сказал тот и пожал плечами. – Ты же для этого нас и собрал, верно?

Думали всю ночь, молодежь хотели отправить по домам. Однако те воспротивились, остались в рабочем кабинете и мучили свои мозги вместе со старшими товарищами.

К утру план операции по внедрению в банду агента угрозыска был практически сверстан. Оставалось подобрать подходящую кандидатуру младшего офицера, старшины или сержанта, вместо которого Васильков заявился бы в Москву. Для этого Старцев с Егоровым отправились в городской военный комиссариат. Василькова с этого часа решено было лишней раз на улице не светить.

Вернулись они только к полудню.

Сияющий Иван подошел к фронтовому товарищу, положил перед ним личное дело и заявил:

– Вот погляди-ка, оцени наши усилия.

Пока голодные сыщики сооружали себе чай и легкий завтрак, Васильков листал бумажки, вшитые в папку. Это были копии метрик, аттестатов, характеристики, выписки из медицинской книжки, наградные листы.

– Скончался двадцать второго мая в военном госпитале города Барановичи, Белорусская ССР. Захоронен в общей могиле на городском кладбище, участок номер... – зачитал он вслух последние строки из личного дела умершего офицера.

– Все как ты заказывал! – с усмешкой проговорил Егоров. – Младший лейтенант, не женат, мать погибла в Москве в сорок первом при бомбежке. В живых один дядька, да и тот сильно пьющий. К тому же Аверьянов твой тезка – Александр. Привыкать к новому имени не придется.

– Это хорошо. Но есть парочка мутных моментов, – заявил Васильков.

– Каких? – насторожился Старцев.

– Аверьянов всю войну прошел в составе Второго Белорусского фронта. А мы с тобой воевали в других соединениях.

– Саня, с твоей ли памятью опасаться таких пустяков? – удивился Иван. – Принесем тебе материал по воинским частям, в которых служил Аверьянов. Ознакомишься, запомнишь.

– А как быть с тюремным сроком?

– Да, в декабре тридцать девятого года парнишку осудили за драку на год и шесть месяцев. Отсидел под Куйбышевом чуть больше года, освобожден за примерное поведение.

– С этим фактом тоже не вижу проблем, – заявил Егоров. – Найдем человека, реально сидевшего в том же лагере в то же время. Побеседуем с ним подробненько с глазу на глаз. А ты послушаешь.

Когда план будущей операции приобрел законченный вид, Старцев надел пиджак, подхватил тросточку, шумно выдохнул и направился с докладом к Урусову.

Васильков родился в Москве, в большой и дружной семье, проживавшей в сером трехэтажном доме, стоявшем в квартале от Яузы. Учился он неплохо. Окончил без троек среднюю школу, легко поступил в геологоразведочный институт. Сдал государственные экзамены, получил диплом и распределился на работу в Московское государственное геологическое управление. Оттуда в июне сорок первого был призван на военную службу.

Александр Василькову довольно легко удавалось строить свою жизнь по правильным лекалам. Пионерский галстук, судомодельный кружок, комсомольская организация, походы в дальнее Подмосковье, студенчество, Осоавиахим, Добровольное спортивное общество «Геолог». На фронте в конце сорок второго он стал членом ВКП (б).

Этот простой на первый взгляд путь советского паренька здорово отличался от того, который выбрал для себя Александр Аверьянов. Он был младше Василькова на несколько лет, рос без отца, учился спустя рукава, куда больше времени проводил на улице с ватагой таких же непослушных оборванцев. Семилетку окончил кое-как, поступил на шоферские курсы. Через полгода получил водительское удостоверение и устроился работать на автобазу. В конце 1939 года за участие в групповой драке был поражен в правах и осужден на один год шесть месяцев. В Безымянском исправительно-трудовом лагере он отсидел чуть меньше и в начале 1941 года вышел на свободу. Больше Аверьянов в криминальных заварушках не участвовал, то ли не успел, то ли и в самом деле перевоспитался.

Когда по репродуктору объявили о начале войны, дожидаться повестки он не стал, собрал в вещмешок скромные пожитки и сам притопал на сборный пункт военкомата, где уже бурлила толпа мужчин разного возраста. К вечеру того же дня девятнадцатилетнего парня и несколько сотен таких же новобранцев привезли на грузовиках в летний лагерь РККА, расположенный в Подмоскowie.

Первым делом все эти люди прошли медкомиссию. Негодные к прохождению службы убыли обратно в распоряжение военкома. Годных к нестроевой определили в хозяйственные роты. Остальных поделили на две группы.

В одну попали взрослые мужики 1890–1904 годов рождения, запасники и участники Первой мировой войны, хорошо знающие, что «германец – противник сурьезный». В другую записали молодежь. Мужикам из первой группы раздали форму, обувь, обмотки, вещмешки и винтовки, провели несколько занятий и отправили на фронт. Со второй группой возились дольше. 30 часов – общая физическая подготовка, 25 – рукопашный бой, 20 – плавание и подготовка к переправам, сдача норм ГТО, преодоление полосы препятствий, стрельба, метание гранаты, штыковой бой и другие военно-прикладные испытания.

Как ни странно, но военное дело Аверьянову пришлось по душе. В графе «специальность» его военного билета было записано: «Шофер грузовых и легковых автомобилей». Однако, глядя на результаты его обучения, начальство решило использовать расторопного парня по-другому и отправило Аверьянова на курсы младшего комсостава. Посему на фронт он попал лишь в конце сентября 1941 года.

– Ну и кого там еще черт принес? – послышался недовольный голос.

– Дядя Тимофей, это я! – крикнул Васильков через закрытую створку.

Скрипучая лестница привела его в мрачный зловонный коридорчик с единственной дверью.

– Я это, Александр!

В помещении послышалось кряхтенье, шорох, неуверенные шаркающие шаги.

Звякнул крючок, дверь немного приоткрылась, в щель высунулось изрядно помятое, заспанное лицо.

– Александр? Какой такой Александр?

– Здравствуйте вам, пожалуйста. Какой Александр? Да племяш твой! С войны вернулся. Не узнаешь?

Светлая щель сделалась шире. Лицо, испещренное морщинами, высунулось в темноту коридора.

– Племяш? – недоверчиво протянул дядюшка, окатив Василькова ядреным перегаром.

– Ну а кто ж еще?!

Тут в голове у этого типа что-то щелкнуло. Веки с редкими выцветшими ресницами затрепыхались, растерянно хлопнули раз, другой.

– Сашка, что ли? – выдавил он из себя вопрос.

– Я. Пустишь за порог или мне так тут и стоять?

– Конечно, заходи! – сказал дядька, толкнул дверь, посторонился.

Васильков протиснулся внутрь полуподвального помещения.

Это была довольно большая комната с тремя подслеповатыми окнами, деревянным полом и таким же дощатым низким потолком. Сбоку от входной двери стоял узкий шифоньер с куском разбитого зеркала и полопавшимся шпоном на боках. Против него под окнами обитал стол-тумбочка, сплошь заставленный кружками и грязными тарелками. На промасленной газете лежали селедочные хвосты, яичная скорлупа, размякшие стрелки лука, корки хлеба. Дальше, справа у железной печки, стояла кровать с продавленной периной, серой подушкой и каким-то тряпьем. У левой стенки Александр приметил нечто похожее на буфет, полки которого опять же заполняли пустые бутылки, банки, всяческий мусор.

Васильков не подал виду, что сильно удивлен тем, как жил его родной дядька. Ведь, по легенде, выходило, что Александр бывал тут и ранее, видел жуткий бардак, бегал за водкой для опохмелки, вдыхал отвратительную смесь из запахов мочи, табака, перегара, рвотных масс и еще бог знает чего.

Посему он поставил на пол чемодан, раскинул руки, широко улыбнулся и заявил:

– Ну, Тимофей Григорьевич, обнимемся, что ли?

Мужчины обнялись, похлопали друг друга по спине.

– Дома-то был? Видал, чего немец-то, гад ползучий, натворил? – спросил дядька и всхлипнул. – Суки поганые, ни дна им, ни покрывки!

– Прошелся с вокзала, поглядел, – глухо отозвался племянник. – Там стройка сейчас – ничего не узнать.

На месте дома, рухнувшего от взрыва бомбы, Васильков действительно побывал. За два дня до начала операции по внедрению в банду он наклеил усы, оделся в простенькую рубаху, надвинул на лоб фуражку и вместе со Старцевым отправился по нужному адресу. Развалины уничтоженного дома огораживал деревянный забор, за которым копались рабочие, разбивали кувалдами и ломами крупные обломки кирпичных стен. Васильков замедлил шаг и внимательно оглядел округу. Он старался запомнить расположение соседских дворов, высотность домов, деревья, лавочки и прочие детали.

– К соседям-то не завернул? – осведомился дядька Тимофей, отстранившись от племянника. – Ты же дружил с Валькой Климовым.

– Не стал тревожить. Зачем? У него своя дорога, у меня теперь своя.

– Оно и верно. Незачем. – Хозяин комнаты повернул гостя к свету. – А ты вроде как выше стал, плечистее и лицом просветлел, – подивился он. – Весь изменился. Повстречай я тебя на улице, ни в жизнь не узнал бы!

– Война, понимаешь ли, – заявил племянник и печально усмехнулся. – Она никого не молодит, Тимофей Григорьевич, а только старит, калечит да убивает.

– И то верно. А с рукой-то что?

– Осколками повредило под Данцигом. Пока плохо работает, но доктора пообещали, что восстановится. – Александр нагнулся, подхватил чемодан, поставил его на свободный угол стола и похлопал по шершавому боку. – Слушай, а ведь у меня тут пол-литра припасено для торжественной, так сказать, встречи. У тебя закусить не найдется?

Тимофей вмиг просиял.

– Пол-литра, говоришь?! Беленькой?

– А то какой же!

– Да, конечно, родненький! Это мы сейчас сообразим. Это я мигом! – Дядька метнулся к двери, да на полпути вдруг остановился, обернулся, поскреб через штанину ногу и пробурчал: – Саня, у меня двадцать пять рублей на кармане, а на них в коммерческом разве что черный хлеб продадут. Ты деньжатами не богат?

Племянш выудил из бездонного кармана галифе тугую пачку банкнот и тотчас приметил, как загорелись глаза Тимофея.

– Кое-что имеется, – сказал он, отсчитал несколько сотенных купюр и осведомился: – Тысячи хватит?

– А то!

– Держи.

Дядька схватил деньги, выскочил в коридорчик и застучал ботинками по ступеням.

До начала войны молодой специалист Васильков успел дважды побывать с геологической партией в поле – на Среднем Урале и в Северном Казахстане. 22 июня сорок первого он с коллегами призывного возраста пришел на сборный пункт районного военкомата и сразу же был отправлен на офицерские курсы. На фронт он попал чуть позже в звании младшего лейтенанта. Осенью с остатками своей части долго отступал, прорывался из окружения.

Александр влился в число кадровых командиров без особых проблем. Ему все удавалось делать в жизни легко, особенно если к тому подталкивали непростые обстоятельства. Учиться воевать парню помогали природный живой ум, деловая хватка, внимательность и, конечно же, знания, полученные в институте. Читать карты и ориентироваться на местности у него получалось не хуже многих опытных офицеров.

Очень скоро к одному кубарю в его петлицах добавился второй. В октябре сорок первого командир стрелковой дивизии вручил ему перед строем первую боевую награду.

В 1942 году Василькова перевели взводным в полковую разведку. Там нужны были толковые, смелые, выносливые ребята, именно такие, как он. Скоро он втянулся в это дело. Ему даже понравились ночные броски через линию фронта, рейды по тылам противника, охота за «языками», диверсии.

В январе 1943 года он уже командовал разведывательной ротой и познакомился с Иваном Старцевым, которого прислали взамен погибшего взводного. Надежный, деловой и обстоятельный Ванька в разведке тоже пришелся ко двору. Если Васильков отдавал ему приказ или поручал какое-то задание, то мог не беспокоиться. Старцев все исполнял точно и в срок.

К лету сорок третьего два осторожных и очень удачливых офицера стали настоящими друзьями и самыми результативными разведчиками Центрального фронта. Невозможно было подсчитать, сколько раз они пересекали линию фронта, добыли ценных сведений, приволокли «языков». Вероятно, два товарища так и закончили бы войну в одной роте, в одном полку, если бы не роковая вылазка в немецкий тыл, случившаяся в июле 1943-го в восточном пригороде Рыльска.

Васильков был наслышан о тяжелых временах, которые довелось пережить москвичам в первые месяцы Великой Отечественной войны. Об этом ему рассказывали его мама, невеста Валентина, коллеги из МУРа, коим довелось тогда работать в Москве. Но все же воспоминания старика Тимофея, сидевшего за столом-тумбой со стаканом в руке, поражали Александра до глубины души.

– Первая бомбежка случилась аккурат двадцать первого июля сорок первого года, – проговорил дядька низким хриловатым голосом. – Народ к тому времени чуток по привычке к мыслишке о том, что началась война. Она вроде как и шла, но где-то там, на западе. А тут налетели стервятники с крестами на крыльях и давай сыпать бомбы на мирный город.

Жителям столицы приходилось принаравливаться к новым условиям военного времени. В городе был введен комендантский час, учреждения и предприятия работали строго до двадцати двух часов сорока пяти минут. С нуля часов до четырех утра запрещалось любое перемещение пешком и на автомобилях. Въезд в Москву для иногородних был закрыт, а работающих москвичей власти обязали носить с собой специальные пропуска. С первых же дней

войны начались работы по маскировке городских кварталов, а часть горожан была эвакуирована в безопасные регионы страны.

– Но тогда еще никто знать не знал, что на следующий день фрицы захотят отметить окончание первого месяца войны, – сказал Тимофей, влил в себя остатки водки, стукнул доньшком стакана о столешницу, а вот закусывать не стал.

Перед ним на развернутой газетке лежали соленые огурцы, вареная картошка, селедка, кружочки краковской колбасы, зеленый лук, куски рафинада, ломти хлеба. Но он потянулся к папиросам, чиркнул спичкой, затащил, закашлялся.

– Пять часов бомбили. Суки поганые, ни дна им, ни крыши! Пять часов ада, когда не ведаешь, в тебя она угодит или жახнет в сторонке, – сбиваясь и забывая слова, продолжал Тимофей.

Он уже прилично опьянел, хоть и выпил-то немного.

Слушая рассказ о начале войны, Васильков не испытывал к старику абсолютно никаких негативных чувств. Перед ним сидел обыкновенный пожилой человек, коих в Москве были десятки, сотни тысяч. Да, злоупотребляющий, не без этого. Да, опустившийся и превративший свое жилище в помойку. Но разве это являлось преступлением, за которое стоило возненавидеть его?

– Потом по радио сообщили, будто фашистские стервятники сбросили на Москву больше десяти тысяч зажигалок. Оно и понятно, что больше десяти тысяч, раз полсотни пожаров занялось по городу. Представляешь? Еле потушили.

Тимофея Григорьевича было просто по-человечески жаль. Жизнь его потихоньку катилась к закату, и ничегошеньки он за эти годы не поимел, не считая охапки болячек, двадцати квадратных аршин полуподвала, чуланчика с дворницким инвентарем и алкогольной зависимости. А ведь было ему всего-то чуть больше пятидесяти лет, хотя выглядел дядька на все шестьдесят пять.

– А потом они этак вот разбойничали аккурат через день. Только за август месяц разов двадцать налетали. Несколько больниц с землей сравняли, две поликлиники, три детских сада. А уж скольких людей жилища лишили, не передать. Я вот тут, в этом самом своем полуподвале, семью молодую приютил с маленьким ребенком.

– Да ну? – впервые перебил рассказчика Васильков, изрядно подивившись такой новости.

– Ей-богу.

– Как же это случилось?

– Они подле Ржевского вокзала жили, а немец страсть как любил его бомбить, как и все другие. Ну и грохнулись несколько бомб. Три в пути попали так, что рельсы вздыбились, а одна рядом с жилым домом взорвалась. Тут стена вместе с крышей и рухнула. Несколько человек погибли, а семья эта прогуливалась с дитем где-то в парке, потому все и убереглись.

Александр Аверьянов, вернувшийся с войны, был счастлив снова окунуться в мирную жизнь родного города. Однако эту его радость омрачало то обстоятельство, что он остался без семьи, без крова. И тут Тимофей Григорьевич, ранее не отличавшийся широтой души, предложил племяннику пожить у него.

Племянш, конечно, догадывался, что за сим предложением скрывается корысть. Сам Тимофей получал небольшую пенсию и надбавку за инвалидность, перебивался крошечным окладом участкового дворника. Всех этих денег, вместе взятых, при малой экономии на месяц ему хватало бы с избытком, да вот беда, любил Тимофей в будни побаловать себя портвейном, а по субботам и великим праздникам – водочкой. Потому приходилось ему шабашить. Одному из соседей он заменил разбитое окошко, другому дверь поправил, третьему мебель помог разгрузить. А давеча старухе Давыдовой с верхнего этажа припер с рынка полмешка картошки.

В общем, жизнь его была тяжела и радовала нечасто. А тут вдруг племяш с полным карманом деньжищ точно с неба свалился. Так чего же не потесниться, ежели тот щедр и каждый вечер будет потчевать дядюшку беленькой?

Александр согласился остаться здесь и весь следующий день потратил на приведение в порядок полуподвального этажа. К вечеру помещение стало походить на более-менее сносное жилище. Мусор, паутина и пустые бутылки исчезли, кислый запах выветрился, под слоем грязи оказался вполне сносный деревянный пол. В освободившемся углу появился лежак, сколоченный из грубых досок, поверх которого бывший фронтовик постелил пару телогреек и ненужное тряпье.

– Сойдет, – оценил свои усилия Александр. – На фронте бывало и куда хуже. Мы там и не в таких условиях проживали.

После наведения порядка Тимофей Григорьевич пожелал отметить заселение племянника праздничным ужином. Он выклянчил у него следующую тысячу и умчался за водкой и продуктами.

На третий день мирной жизни Александр сам направился на ближайшую толкучку. Он нашел там себе гражданскую одежду, обувь и кое-что по мелочи. На все это улетело еще несколько тысяч рубликов, что весьма огорчило дядьку.

– Ни к чему так тратиться, Сашка! – выговаривал он племяннику, кромсая для жарехи картошку, купленную накануне. – У меня вон сапоги-трехлетки стоят. Им сносу нет.

– Устал я от сапог. Неужто не понимаешь? – ответил на это племянник.

– А деньги закончатся, тогда как?

– Так я хотел работать пойти. Не сразу, конечно, сперва недельку отдохнуть, а там уж...

Мысль об устройстве на работу Тимофею понравилась. Его желтое морщинистое лицо разгладилось от улыбки, но уже через секунду вновь стало серьезным и озабоченным.

– А рука? – Он кивнул на подвязку. – Ты же шофер. Как же одной рукой-то управляться собираешься?

– Не обязательно в шофера идти. Профессий на свете много.

– Много, это да. Но не на всякие однуруких берут. Я мог бы тебя в дворники присоветовать своему начальству. Имеются у нас участки, где нет желающих махать метелкой. Но как, опять же, ты будешь управляться?

– Нет, дворником, пожалуй, не смогу. На завод пойти не получится. Я в семилетку хотел сходить.

– В школу, что ли?

– Да, в свою. В которой учился.

– А там чего же?

– С директором надо бы переговорить. Он, помнится, хорошим мужиком был. Может, примет учителем или на худой конец сторожем.

– Это дело, – сказал Тимофей и почесал широкую штанину. – Все лучше, чем на тюфяке лежать.

Глава 3

Шел третий час ночи. Улицы столицы давно опустели, на них не было ни пешеходов, ни машин. Небо с вечера заволокло густыми облаками, поднялся порывистый ветер, неведь откуда притащивший поднадоевший холод.

Старый немецкий автобус марки «Опель Блиц» медленно проехал по Красносельской, свернул в темный проулок и остановился. Пучок желтого света от единственной горевшей фары уперся в длинный забор, огораживающий складское здание из красного кирпича. Левее шагов на сорок находились закрытые ворота, над которыми изогнулась арка с надписью, выполненной плоскими металлическими буквами: «Вспомогательная продовольственная база. ОРС Управления Московской железной дороги. Северный ж/д вокзал».

Автобусная фара моргнула и выключилась. К правому борту тотчас приблизилась какая-то тень и юркнула в темное нутро.

Это был малец лет семнадцати с железной фиксой на переднем верхнем резце.

– Ну?... – поторопил его главарь банды, крупный мужчина лет сорока.

Отдышавшись, малец приглушенно затараторил:

– Минут сорок тому перекинул я отраву. Собаки гавкали, аж заливались, но все сожрали. Теперь их не слышать, угомонились уже.

– Солдат и ментов нет?

– Все чисто.

– Годится. Значит, так, – обратился главарь ко всем. – Работаем без шума. Мы не пострелять сюда приехали. Полушка, поглядываешь на углу и дашь знать Рогуле, когда подгонять шарабан.

Полушкой звали того самого мальчика. Получив наказ, он согласно кивнул. Мол, все понял, сделаю.

– Антип, Жига и Синий, вам снять сторожей. Остальные к воротам, – проговорил главарь и направился к выходу.

Дверца по правому борту бесшумно отворилась. Шофер Рогуля остался на своем месте, а на мокрый асфальт поочередно прыгнули семь человек. У каждого в руке поблескивал вороненой сталью ствол пистолета или винтовочный обрез, у одного был немецкий автомат.

Проворный Полушка метнулся через дорогу и занял место под деревом, откуда ему было видно и автобус, и ворота продовольственной базы.

Троица, названная главарем, проделала тот же путь, но остановилась под высоким забором. Крепкий Антип согнулся пополам, подставил корешам широкую спину. Долговязый Жига забрался на него, ухватился за верхний край забора, подтянулся, закрепился наверху, подал руку Синему. Так, помогая друг другу, бандиты перебрались через забор и оказались на охраняемой территории.

Главарь повел к воротам двух своих ближайших дружков, Татарина и Володьку Чернышева по кличке Вофти-Тофти. Не дойдя до цели десяти шагов, они нырнули вправо и в ожидании условного сигнала затаились между двух кустов сирени.

Банду возглавлял уголовник со стажем Павел Сарычев по кличке Сыч – потомок зажиточных крестьян из Тамбовской губернии. Основным его дружком и помощником числился уголовник по кличке Татарин. У обоих налетчиков имелся большой опыт грабежей, краж, взломов. Оба к началу войны отмотали по полтора десятка лет лагерей и не мыслили для себя какой-то иной жизни.

Костяком банды были такие же уголовники и дезертиры, сбежавшие с фронта. Все, кому требовалось скрывать свое настоящее имя, получали от главаря поддельные документы с дру-

гими фамилиями и биографическими данными. Взамен Сыч требовал от подельников беспрекословной дисциплины, а нарушителей жестоко карал. Люди поговаривали, будто он лично расстрелял в лесу двух корешей, из-за разгильдяйства которых банда понесла большие потери.

Сформировалась банда в первый год войны. Тогда криминал чувствовал себя повольготнее, чем теперь, потому как половина московских мусоров была отправлена на фронт. Заменить их особо было нечем, вот и обряжали начальники в форму кого попало: баб, пожилых мужиков да комиссованных фронтовиков, иной раз настоящих инвалидов.

Начали бандиты с простого. Они спяну вчетвером грабнули хлебный магазин, забрали дневную выручку и два пуда хлеба, оставшегося к вечеру. Деньги, как водится, эти мерзавцы прогуляли. Простота и безнаказанность пришлись им по нраву. Ну и понеслось. Магазины, артели, склады...

Позже, когда криминальное сообщество разрослось до десятка человек и обзавелось стволами, уркаганы начали промышлять по-крупному, причем не только в Москве, но и за ее пределами. На станции Владычино эти негодяи убили и ограбили семью железнодорожного рабочего, продавшего накануне войны дом умершей матери. Они же совершили нападение на инкассаторов, доставлявших заработную плату рабочим завода «Красный богатырь», организовали вооруженное ограбление сберкассы на окраине Москвы, во время которого погибли милиционер и старший кассир.

Банда располагала двумя квартирами, расположенными в Марьиной Роще и рядом с овощной базой, в Шмидтовском проезде. Имелась у преступников и дача в московском пригороде, на территории совхоза «Заречье». В эти укромные местечки уголовники свозили награбленное, там же отдыхали, зализывали раны, гуляли и кутили. Чаще это происходило в городских квартирах, реже – в Заречье.

Ждать в кустах сирени пришлось около четверти часа. Татарин присел на корточки и одну за другой выкурил две папиросы. Он не мог долго обходиться без табачка. Сыч с Вофти-Тофти секли по сторонам.

Наконец-то послышался условный сигнал, тихий короткий свист.

– Пошли! – распорядился Сыч и первым двинулся к створке ворот.

За ней их поджидал Жига.

– Все нормально, Сыч, – шепотом доложил этот долговязый тип. – Записали мы сторожей.

– Почему так долго? – недовольно буркнул главарь.

– Так один-то спал в камерке, с ним по-быстрому управились, а другой шлялся по территории. Пришлось нам поискать его.

– Обоих? Разве сторожей всего двое было?

– Выходит, так, – ответил Жига и пожал плечами.

– А мне свои пацаны нашептали, что они вроде по трое дневают. Ладно, где Антип с Синим?

Жига кивнул в сторону ближайшего пакгауза и сказал:

– Вскрывают.

– Останься у ворот, – велел ему Сыч и вместе с корешами двинулся к длинному строению.

Продовольственная база Северного вокзала состояла из трех пакгаузов, растянувшихся вдоль железнодорожного пути. На нем время от времени вставал товарный эшелон, из вагонов которого продовольствие перегружалось на стеллажи пакгаузов. С другой стороны длинных зданий был оборудован подъезд для грузовых автомобилей.

Главарь банды поднялся по ступенькам на приподнятый парапет, тянувшийся вдоль всего здания, подошел к Антипу и Синему, копавшимся у ближайших ворот.

– Чего возитесь, малахольные?! – рыкнул он.

– Да вот мандолина хрустнула, – ответил Синий и показал ему сломанную отмычку.

В это время Антип поднатужился и сорвал висячий замок обыкновенной фомкой. Тот отлетел, позвякивая в воздухе разомкнутой дужкой, и глухо тюкнулся об асфальт.

– Прошу! – Антип картинно раскрыл ворота перед корешами.

– Проведай! – приказал ему Сыч.

Крепыш нырнул в темное нутро пакгауза, включил электрический фонарик и пробежался между высоких стеллажей.

– Товарка, – доложил он, вернувшись через минуту.

Да, как ни странно, один из пакгаузов продовольственной базы использовался для хранения не продовольствия, а тканей, одежды, обуви, мыла и других подобных товаров.

– Пойдет. Вскрывает следующий. Синий, маякни через Полушку Рогуле, чтоб подгонял шарабан.

Сыч прослыл умным и невероятно осторожным человеком. Благодаря этим качествам его банда несла минимальные потери во время вооруженных налетов и регулярно ускользала от преследования правоохранительных органов. Попробуй поймать тех, кто появится неизвестно когда и где.

Уголовники никогда не задерживались на одном месте дольше двух-трех дней. Готовились к очередному ограблению, предположим, в Мытищах. Выезжали затемно, проворачивали дельце, а возвращались с награбленным на дачу в Заречье. Захваченные ценности и деньги делили поровну, не забывая, однако, пополнять и воровскую кассу. Так сказать, на черный день.

Порой эти сбережения и в самом деле выручали их. Так приключилось, к примеру, в сорок четвертом, когда на криминальный московский мир дружно навалились опера. Банде пришлось залечь на дно и дышать через раз. Вот тогда-то мощна и пригодилась. Иначе бандиты не стерпели бы, пошли бы пополнять запасы и наверняка засветились.

Сам Сыч был из тамбовских крестьян, 1900 года рождения. Высокий, чуть сутуловатый, физически развитый. Грубоватое и вечно угрюмое лицо с узкими прищуренными глазами и широким расплюснутым носом редко растягивалось в улыбке. Он никогда не шутил и не смеялся, предпочитал говорить исключительно по делу.

Его давний друг по кличке Татарин прибыл в Москву, освободившись после длительного срока, в течение которого ему пришлось поучаствовать в строительстве знаменитого канала между Белым и Балтийским морями. Шамиль Закурнаев – так по-настоящему звали Татарина – был на год младше Сыча. Густые темные волосы с сединой на висках обрамляли широкое смуглое лицо с живыми карими глазами. Ростом он был пониже своего друга, не так широкоплеч, зато подвижен и щедр на едкую шутку. Любил посмеяться и выдать какую-нибудь ядреную фразу на родном татарском языке. В банде Татарин заправлял воровской кассой, а также ведал закупками всего необходимого.

Третьим человеком в банде являлся Володька Чернышев со странным прозвищем Вофти-Тофти. Происхождение этой клички никто не знал, а сам Чернышев объяснять ее значение не хотел, рассказывал то о конфетах «Тофти», сворованных когда-то из бакалеи, то о прозвищах из далекого беспризорного детства. При обычной, ничем не выдающейся внешности Володька обладал живым умом и невероятно цепкой памятью, способной намертво зафиксировать однажды увиденную картинку или целый газетный разворот. За умение логически мыслить и запоминать мельчайшие детали Сыч всегда привлекал Вофти-Тофти к планированию налетов и грабежей. Годков ему было около сорока, а в Москву его занесло после отсидки в детском трудовом лагере в середине двадцатых.

«Опель» медленно заехал задом на территорию продовольственной базы и сразу с поворотом подкатил к нужному пакгаузу. Мотор опытный Рогуля глушить не стал.

На парапете, напротив распахнутых дверей, уже высилась гора отобранного товара. В основном это были рулоны различных тканей, зашитые в мешковину, а также кожаная обувь и готовая одежда.

Бандиты делали это не в первый раз, поэтому быстро разделились для погрузки добычи. Сыч нырнул в шарабан и вместе с Рогулей приготовился принимать товар. Полушка остался стоять у ворот на стреме, а Татарин, Вофти-Тофти и Синий, растянувшись цепочкой, передавали добро в раскрытый дверной проем автобуса.

Жига с Антипом в это время вскрывали второй пакгауз.

Работали уркаганы молча и по-стахановски. В результате за десять минут весь товар перекочевал с парапета в нутро старого «Опеля». После чего мотор натужно заурчал, и шарабан переместился к парапету второго пакгауза, напротив которого тоже росли стопки из коробок и ящиков.

– Самое ценное! – напомнил Сыч, принимая из рук Татарина ящик. – Места осталось мало.

Под «самым ценным» подразумевались прежде всего тушенка, вяленое мясо, сало, рыбные консервы и спиртное. Большой удачей считалось прихватить черной икры, осетрового балыка, сырокопченой колбасы, но сегодня ничего этого во втором пакгаузе не обнаружилось.

Коробки с ящиками быстро заполнили свободное пространство автобуса. Места осталось ровно для семи членов банды.

– Край! – крикнул главарь. – Уходим!

На парпет из пакгауза выскочил разгоряченный, вошедший в раж Антип.

– А третий пакгауз?! – спросил он и впился зубами в батон колбасы.

– Лезь в шарабан, я сказал! – грозно повторил Сыч. – Синий, давай к воротам!

Перечить главарю никто не отважился. Синий метнулся в сторону ворот, остальные друг за другом поднялись в автобус. Рогуля уселся на водительское сиденье, включил фару, со второго раза нащупал длинным рычагом передачу.

Нагруженный автобус качнулся и нехотя отвалил от парапета.

Когда до ворот оставалось метров тридцать, по правому борту «Опеля» вдруг полоснул луч света. Ближе других к окошку оказался долговязый Жига. Он вытянул шею, заметил человека, бегущего наперерез, но замешкался, не знал, что делать.

Это был третий охранник, потерянный в самом начале Антипом, Жигой и Синим. Он совершил обход по дальнему маршруту, теперь возвращался к сторожке, внезапно заметил автобус, двигавшийся к распахнутым воротам, посветил фонариком и крикнул.

Водитель и не думал останавливать свой транспорт. Еще секунда – и автобус нырнет в уличную темень, за ворота.

Охранник, пожилой бородатый дядька, решительно вскинул ружье и выстрелил по черным квадратам окон старого шарабана.

Послышался звон разбитого стекла. «Опель» резко тормознул. Внутри загрохотали падающие ящики и коробки.

Тотчас глухо щелкнул ответный выстрел. Сторож схватился за грудь, обмяк, опустился на колено, выругался, погрозил пассажирам автобуса кулаком и повалился на землю.

Сыч стер пальцами кровь с лица. Один мелкий осколок разбитого стекла только что впился в его щеку. В другой руке он держал парабеллум с дымившимся стволом.

– Добейте! – приказал главарь банды.

Вофти-Тофти, стоявший у двери, вытянул из голенища сапога нож и выскочил из автобуса.

Главарь тем временем обернулся к Антипу, Жиге и Синему и заявил:

– А с вами, фраера дешевые, мы побалакаем чуть попозже, на малине.

Глава 4

Александр уже четвертый или пятый день проживал в полуподвале, пропахшем плесенью, расположенном посередке короткого Межевого проезда. Васильков начал сбиваться и терять им счет. Деньги, привезенные с фронта, у него еще оставались, но они довольно быстро таяли, так как Тимофей исправно находил поводы для ежевечерней попойки. Делая регулярные закупки на рынке или в коммерческом магазине, племянш нарочито демонстрировал ему худеющую пачку банкнот и скорбным голосом напоминал о грядущей катастрофе. Дескать, побыстрее бы сыскать работу. Что жрать-то будем? Не проживем на твои доходы.

Дядька соглашался с его озабоченностью. Покуда не наступало вечернее время, святое для выпивки, он таскал племянника по ближайшим учреждениям и предприятиям, где израненного фронтовика могли бы принять на службу. Сторожем, дворником, помощником коменданта, курьером, почтальоном. Кем угодно.

Пока им не везло. Но Васильков все равно настаивал на поисках. Вечером по заведенной традиции он готовил ужин и присаживался вместе с дядей к столу-тумбе.

– А вот ты знаешь, что было в Москве в середине октября сорок первого года? Нет, ты не маши головой. Ты ответь, – настаивал дядька.

– Откуда же мне знать? Я же в конце сентября уже на фронте кувыркался.

– Вот! А в истории Москвы, между прочим, шестнадцатое октября – самый темный день.

– Это почему же он самый темный?

Дворник огляделся по сторонам, словно в помещение мог кто-то незаметно пробраться, и прошептал:

– Да потому, что слух пополз, будто Сталин из Москвы сбежал, а заводы и фабрики большевики готовят к ликвидации, то есть взорвать хотят. Усек?

Васильков промолчал. Что-то об этом он слышал, но развивать тему не хотел. Ему сейчас позарез хотелось услышать от дядьки про нечто другое. Но тот никак не сдавался.

– А оно ведь все к тому и шло, – заявил он пьяным голосом, разливая по кружкам очередные пятьдесят грамм. – Линия фронта проходила в получасе езды, метро не работало, люди метались в панике.

К алкоголю Васильков всегда относился спокойно. Сто грамм, положенные на передовой, он исправно выпивал, но восторга при этом не выказывал. Как говорится, пей, пока наливают. За праздничным столом, под хорошую закуску да с развеселой компанией мог употребить и побольше. Однако, оказавшись на постое у дяди и каждый вечер сидя с ним за бутылкой, Александр вдруг понял, что долго не протянет. Печень начала выражать недовольство ноющей болью в правом подреберье, а самым неприятным было то, что по утрам у него появилось желание опохмелиться, дабы пригасить жуткую головную боль.

– Составы в метро остановили, но входы завсегда были открыты. Это чтобы, значит, от бомбежек граждане могли хорониться, – просвещал племянника Тимофей. – Переоборудовали все честь по чести. Там, под землей, и магазины были, и парикмахерские, и медпункты. Более двухсот деток за войну под землей родилось. Я раз в городе под сирены попал, так на «Курскую» спустился. А там, ты не поверишь, библиотека работает!..

Тимофей Григорьевич приходился сводным старшим братом отцу Александра Аверьянова, умершего от гангрены. Родился он не в Москве, а в Юзовке Екатеринославской губернии, где и прожил свои первые четверть века. После школы Тимофей поступил в тамошнее горнорудное училище, одновременно работал на шахте. После нескольких лет у него развилась болезнь легких. Врачи запретили ему опускаться в забой, положили на обследование, пытались лечить.

В двадцать пять лет от роду он перебрался в Москву, к младшему брату. Здесь ему тоже пришлось походить по клиникам и больницам. В конце концов медицинская комиссия признала его инвалидом и назначила небольшую пенсию.

Обзавестись семьей Тимофею так и не удалось. Он поселился неподалеку от родни, устроился дворником и основательно пристрастился к вину.

– Вот ты осуждаешь мое бытие. Нет, я же вижу, что так оно и есть, – проговорил дядя Тимофей, поморщился и тут же боднул покатым лбом тяжелый воздух полуподвала. – Да, я алкоголик. Но какой?

– Да, мне тоже это интересно. Так какой же? – Племянник тоже был хорош, с трудом наводил на него резкость.

– Я осторожный алкоголик, острожный и расчетливый.

– Вот как.

– Да. Вот как ты думаешь, стало бы начальство держать дворника на должности, ежели бы тот уходил в недельные запои?

– Думаю, послало бы начальство такого дворника на три веселые буквы, – подумав пару секунд, уверенно ответил молодой собутыльник.

– Правильно! Давно бы уволили. Но я ведь не такой. Я ни разу не уходил в запой, веришь?

В это нельзя было не поверить. Ведь Тимофей каждое утро исправно шаркал метлой по асфальту и регулярно получал жалованье.

– Верю, – сказал Сашка и почувствовал, как выпитое и съеденное не находит в желудке места.

День выдался непростым, канительным.

Дядька еще с утра завел старую песню:

– А не купить ли нам на вечерок беленькую?

– Отчего же не купить? – сказал племянник, но поспешил поставить условие: – Только давай после похода в школу.

– Это само собой, Саня! Дела поперед всего остального.

Поход в школу с целью устроиться учителем труда был запланирован родственниками, после того как провалились все предыдущие попытки найти работу. До сегодняшнего дня они побывали в местной коммунальной конторе, в ближайшем автохозяйстве, в слесарной мастерской при железной дороге и даже в небольшом почтовом отделении. Но везде их ждал отказ. Свободных трудовых вакансий уже не было, их заняли люди, вернувшиеся с фронта. Либо начальство смущала левая рука соискателя, висевшая на перевязи.

В половине шестого утра родственники вышли на участок, который Тимофею надлежало содержать в чистоте, и сообща привели его в порядок. Сделать это было нетрудно. Ведь в начале лета тротуары с проезжей частью оставались чистыми. На них не было ни грязи, ни листвы, ни снега со льдом. Дядька помахал метлой, племянш потаскал здоровой рукой собранный мусор до ближайшего мусорного ящика.

Покончив с уборкой, вернули инструмент в сарайчик для инвентаря и отправились в мужскую семилетку, в которой некогда учился Сашка Аверьянов.

Директором школы с давних пор служил Антон Иванович Фашевский. Это был хромой пожилой мужчина, добрейшей души человек, хоть на вид порой и очень строгий.

Выстроит он, бывало, мальчишек в центральном школьном коридоре, пройдет, слегка подволакивая короткую ногу, после встанет по центру, подбоченится и грозно так спросит:

«И кто же из вас, озорников этаких, додумался подбросить учительнице физической географии под стол дохлую крысу?»

Никто не сознавался, мальчишек, желающих сдаться, не находилось. Все ученики оглаживали школьное начальство беспредельно честными, ангельскими взорами.

Племянш с дядькой пришли аккурат к большой перемене посреди первой смены. Завидев взрослых посетителей, вахтерша разглядила на грозном лице морщины, взамен натянула маску гостеприимства, узнала, к кому пришли гости, указала дорогу.

– Там рядом по левую руку от учительской и найдете кабинет товарища Фащевского, – крикнула она вдогонку.

– Узнаю родные стены, – увертываясь от оболтусов, бегающих по коридору, с улыбкой проговорил Сашка. – Тут даже запах не изменился.

– А чего ж тут поменяется? – Тимофей семеня следом за ним. – Хорошо, что от бомбежек здание не пострадало. Даже окна целые.

– Ну, с богом, – сказал Сашка, выдохнул и постучал в дверь.

– Да, войдите, – послышалось из кабинета.

Фащевский пребывал в растерянности ровно секунду. Поздоровавшись с визитерами и услышав фамилию бывшего ученика, он резво поднялся из-за рабочего стола, раскинул руки и пошел навстречу.

– Аверьянов! Саша! Как же, как же! Прекрасно тебя помню!

Тимофей Григорьевич скромно стоял в сторонке, вздыхал и с робкой улыбкой наблюдал за тем, как целый директор школы обнимал и троекратно лобызал в щеки бывшего ученика.

– Вытянулся, возмужал, – заявил Фащевский, с удовольствием рассматривая Сашку. – Не удивлюсь, если ты пол-Европы прошагал. Воевал?

– Так точно, Антон Иванович. Под конец даже взводом командовал.

До сего дня Тимофея подтачивало сомнение относительно внешности неожиданно объявившегося племянника. Порой его зрительная память, истерзанная алкоголем, все же малевала в сознании реальный довоенный Сашкин портрет, черты которого почему-то довольно-таки плохо совпадали с внешностью родственника, вернувшегося с фронта. В такие мучительные минуты Тимофей пожимал плечами и спешил отогнать эти мысли. Они были непонятными потому, что он не видел в подмене никакого смысла. На кой черт кому-то прикидываться его племянником? Что за выгода в таком фокусе? Уж не в том ли, чтобы унаследовать полуподвал, пропахший плесенью? Глупости.

Так рассуждал старый дворник. Однако сейчас, когда Сашку признал не кто-нибудь, а сам директор мужской семилетки, последние сомнения враз растворились.

– Присаживайтесь, что ж вы стоите? – суетился директор. – Вот сюда, пожалуйста.

Племянш с дядькой уселись на стулья, стоявшие вдоль стены, увешанной грамотами и красными выпелами.

После этого Сашка сразу перешел к делу:

– Работу я ищу, Антон Иванович. С рукой у меня не все в порядке после ранения, поэтому шофером, как раньше, не смогу. Вот и пришел к вам за советом.

На самом деле директор школы Антон Иванович Фащевский видел Александра второй раз в жизни. В первый раз они встретились несколько дней назад, во время подготовки операции по внедрению Василькова в банду. Тогда Фащевского вызвали в отдел народного образования якобы для участия в совещании. Однако вместо нудного мероприятия с ним встретились три сотрудника МУРа. Это были Старцев, Егоров и Васильков.

Антон Иванович был членом ВКП (б), слыл ответственным работником и надежным товарищем, поэтому сыщики решили говорить с ним без обиняков. Не вдаваясь в подробности, они объяснили ему ситуацию и попросили подыграть. Тот внимательно выслушал офицеров, задал несколько вопросов и в итоге дал свое согласие.

– Увы, Саша, рад бы тебе помочь, да не получится, – со вздохом проговорил он, выслушав бывшего ученика.

– Что так? – с расстройством осведомился тот.

– Видишь ли, во-первых, вакансия учителя труда занята. Во-вторых, я слышал, что до войны ты был осужден и отбывал срок. Это правда?

Сашка поморщился, но все же мотнул головой и ответил честно:

– Было дело, подрался по глупости. Но я ведь отсидел, Антон Иванович! За что же меня второй раз наказывать?

Директор выдвинул ящик письменного стола, покопался в нем, отыскал какой-то документ, положил перед собой и накрыл ладонью.

– Я бы тебя взял, Саша. Ну, допустим, вести какой-нибудь технический кружок с начислением трети учительской ставки. Есть такая рекомендация в этом документе. Но в нем же через две страницы четко прописано: «К обучению допускать профессиональных педагогов, не привлекавшихся к уголовной и административной ответственности». Так что, Александр, извини. Не получится. Не утвердят тебя в районном отделе образования.

– У нас тут, в Москве строго было, почитай как на ваших фронтах.

– На фронте вплоть до расстрела, – подтвердил племянник. – Особенно за невыполнение приказа.

Тимофей размял ложкой вареную картофелину, обильно посыпал ее солью, отправил в рот, прожевал и продолжил:

– По городам указ, к примеру, действовал о затемнении. Ежели прошло объявление по радио об угрозе авианалета, так все, тушите свет. С этим делом настолько было серьезно, что патрули стреляли по окнам забывчивых граждан. Чтоб напомнить, значит. Машины колесили с нафарниками, а гражданам стали продавать светящиеся карточки по рубль шестьдесят каждая. Цепляешь ее на одежду и следуешь по улице, чтоб лбами в темноте не сойтись.

Васильков слушал дядьку и ломал голову над тем, как бы осторожно, не выдавая любопытства, вывести его на нужную тему. Выпитая водка мешала ему творчески мыслить, а без этого трудную задачу решить было невозможно.

– Не хватало еды, постоянно были перебои с электричеством, отоплением. Но хуже всего дело обстояло знаешь с чем?

– С чем?

– Вот! Не знаешь. Тогда ответь мне, с какой стати в московских аптеках пропали шалфей, чабрец, а заодно измельченный дубовый лист в пакетах? – с пьяной хитрецей любопытствовал Тимофей. – Тоже не знаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.